

с сыном по кардинальным вопросам управления государством, предваряется вступлением, в котором идет речь о победах над шведами и о путях достижения этих побед, и завершается заключением, которое является логическим следствием всего изложенного в предыдущих частях. В нем содержится итоговое, выраженное в ультимативной форме требование к сыну «изменить свой нрав» и угроза лишить прав на власть в случае неповиновения.

Вступление оформляется в виде антитезы, характерной для официальной петровской публицистики вообще, согласно которой Россия времени Петра I — это «новая Россия», это «свет», а Русь предшествовавшей поры — это «старая Русь», «тьма». Старая Русь из-за своего «неискусства» в войне принуждена была сносить безмерно тяжкие «угнетения и обиды» от врагов-шведов, которые «не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но ... и со всем светом коммуникацию пресекали».¹⁹ С особой болью Петр вспоминает здесь свои собственные неудачи, которые ему пришлось претерпеть в начале Свейской войны: «О коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей ради нашего неискусства в войне претерпели и с какою горестию и терпением сию школу прошли!». Однако ж не бесполезной была эта «школа». Несмотря на поражения в первые годы войны, Россия не склонилась перед врагом, но накапливала опыт, напрягала усилия, умножала мощь своего оружия и в результате сокрушила шведскую гордыню: «тьма» отступила, и воцарился «свет».

Имея в виду победы над Швецией, Петр с гордостью восклицал: «Оный неприятель, от которого трепетали, едва не вящее от нас ныне трепещет!». Но он настойчиво подчеркивал при этом, что победы над столь сильным и опасным врагом дались нелегко и не по воле случая, а лишь «моими бедными и прочих истинных сынов российских равноревностных трудами достигнуено» (разрядка моя, — М. Н.).

От вступления, выполненного в виде развернутого противопоставления печального прошлого и радостного настоящего России, Петр обращался к главной теме своего послания: к вопросу о наследнике престола и о будущем России, которое он ставил в зависимость не от бога, а от личности предполагаемого правителя, сына своего, объявленного ранее наследником престола. Петра крайне тревожило сознание того, что убеждения и жизненные идеалы царевича решительно расходятся со взглядами отца, что наследнику престола чужда и враждебна та титаническая работа по всестороннему обновлению России, которой одержим он сам, царь, что сын сторонится этой работы и противится ей всем своим существом.

¹⁹ Цит. по кн.: Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI, стр. 346—348. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).